

УДК 82.03; 82:81'255.2; МРНТИ 17.07.61
<https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.240>Г.Б. ТУСУПОВА¹, Л.Н. ДАУРЕНБЕКОВА², Е. АДАЕВА³¹кандидат филологических наукНациональный научно-практический центр «Тіл-Қазына» им. Ш. Шаяхметова
(Казахстан, г. Астана), e-mail: gulshat.bakyt24@gmail.com²кандидат филологических наук, доцентЕвразийский гуманитарный институт им. А. Кусаинова
(Казахстан, г. Астана), e-mail: lrdaurenbekova@gmail.com³кандидат филологических наук, старший преподаватель

Назарбаев Университет

(Казахстан, г. Астана), e-mail: yermek.adayeva@nu.edu.kz

ПЕРЕВОДЫ ЖУСУПБЕКА АЙМАУЫТУЛЫ: ОБРАЗЫ АВТОРОВ

Аннотация. На сегодняшний день известно около тридцати переводов Жусупбека Аймауытулы, однако исходные тексты некоторых из них не найдены. Найденные переводы были изучены лингвистически в нескольких работах, в сравнении с текстами на русском языке. Однако в связи с тем, что Ж. Аймауытулы был не просто переводчиком, а политическим деятелем, «неточности» в переводах невозможно анализировать исключительно с лингвистической точки зрения, так как такие оценки перевода как «правильного» или «неправильного» не способны всесторонне объяснить изменения в текстах. Поэтому изучение переводов Ж. Аймауытулы во взаимосвязи с их контекстом с позиции теории «переписывания» позволяет в полной мере раскрыть социально-политические аспекты переводов.

В результате анализа было определено, с какой целью переводчик использовал стратегию адаптации. Были описаны компоненты стратегии – выбранные темы и методы. В работе, в соответствии с требованиями теории, использован сбор переводных текстов, кодирование и группировка по темам и методам. Результаты сравнивались с работами Ж. Аймауытулы и других деятелей того же периода, в которых выражались их политические взгляды. В результате сформировались новые мнения относительно переводов политического деятеля.

Ключевые слова: Ж. Аймауытулы, перевод, Алаш, переписывание, стратегия перевода, Лефевр.

***Цитируйте нас правильно:**

Тусупова Г.Б., Дауренбекова Л.Н., Адаева Е. Переводы Жусупбека Аймауытулы: образы авторов // Ясауи университетінің хабаршысы. – 2025. – №3 (137). – С. 144–158. <https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.240>

***Cite us correctly:**

Tusupova G.B., Daurenbekova L.N., Adaeva E. Perevody Zhusupbeka Aimauytuly: obrazy avtorov [Translations of Jusupbek Aimauytuly: The Images of the Authors] // Iasau universitetinin habarshysy. – 2025. – №3 (137). – S. 144–158. <https://doi.org/10.47526/2025-3/2664-0686.240>

Дата поступления статьи в редакцию 11.04.2025 / Дата принятия 30.09.2025

Г.Б. Тусупова¹, Л.Н. Дауренбекова², Е. Адаева³

¹филология ғылымдарының кандидаты

*Ш. Шаяхметов ат. «Тіл-Қазына» ұлттық ғылыми-практикалық орталығы
(Қазақстан, Астана қ.), e-mail: gulshat.bakyt24@gmail.com*

²филология ғылымдарының кандидаты, доцент

*А. Құсайынов ат. Еуразия гуманитарлық институты
(Қазақстан, Астана қ.), e-mail: lrdaurenbekova@gmail.com*

³филология ғылымдарының кандидаты, аға оқытушы

Назарбаев Университеті (Қазақстан, Астана қ.), e-mail: yermek.adayeva@nu.edu.kz

Жүсіпбек Аймауытұлы аудармалары: авторлар образы

Аңдатпа. Бүгінде Жүсіпбек Аймауытұлының отызға жуық аудармасы белгілі болғанымен, кейбірінің түпнұсқа мәтіндері табылмаған. Табылған аудармалары бірнеше жұмыста лингвистикалық тұрғыда орыс тіліндегі мәтіндермен салыстырылып зерттелген. Дегенмен Жүсіпбек Аймауытұлының жай ғана аудармашы емес, саяси қайраткер екеніне байланысты, аудармалардағы «дәлсіздіктер» тек лингвистикалық тұрғыдан сараптау аясына сыймайды. Өйткені аударманы «дәл» немесе «қате» деп лингвистикалық бағалаулар мәтіндердегі өзгерістерді жан-жақты түсіндіруге қауқарсыз. Сондықтан да Ж. Аймауытұлының аудармаларын контекстімен байланыстыра зерделейтін «Қайта жазу» теориясы тұрғысынан зерттеу аудармалардың әлеуметтік-саяси қырларын барынша ашуға мүмкіндік береді.

Аудармаларды талдау нәтижесінде, тұлғаның бейімдеу стратегиясын қандай мақсатта қолданғаны айқындалды. Стратегияның құрамдас бөліктері – таңдалған тақырыптар мен әдістері сипатталды. Осыған орай жұмыста, теория талабына сай, аударма мәтіндерді жинақтау, тақырыптар бойынша және әдістер бойынша кодтау және топтастыру қолданылды. Шыққан нәтижелер Ж. Аймауытұлының және сол кезеңдегі басқа да қайраткерлердің саяси көзқарастары білдірілген жұмыстарымен салыстырылды. Нәтижесінде, саяси қайраткердің аудармаларына байланысты жаңа пікірлер қалыптасты.

Кілт сөздер: Ж. Аймауытұлы, аударма, Алаш, қайта жазу, аударма стратегиясы, Лефевр.

G.B. Tussupova¹, L.N. Daurenbekova², Y. Adayeva³

¹Candidate of Philological Sciences

*National Scientific and Practical Center “Til-Qazyna” named after Sh. Shayakhmetov
(Kazakhstan, Astana), e-mail: gulshat.bakyt24@gmail.com*

²Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

*Eurasian Humanitarian Institute named after A. Kusainov
(Kazakhstan, Astana), e-mail: lrdaurenbekova@gmail.com*

³Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Nazarbayev University
(Kazakhstan, Astana), e-mail: yermek.adayeva@nu.edu.kz

Translations of Jusupbek Aimauytuly: The Images of the Authors

Abstract. To date, approximately thirty translations by Jusipbek Aimauytuly are known, but the original texts of some have yet to be found. The available translations have been linguistically analysed in several studies, often in comparison with the corresponding Russian texts. However, since Jusipbek Aimauytuly was not merely a translator but also a political figure, the so-called “inaccuracies” in his translations cannot be examined solely from a linguistic perspective. Traditional assessments of translation as “accurate” or “inaccurate” fail to fully explain the textual

modifications. Therefore, studying J. Aimaulytuly's translations within their socio-political context through the lens of “rewriting” theory provides a more comprehensive understanding of their underlying motivations.

This study identifies the purposes behind the translator’s use of adaptation strategies and describes their key components – selected themes and applied methods. Following the methodological framework of rewriting theory, the research involved compiling translated texts, coding them, and categorizing them based on themes and translation methods. The findings were then compared with the works of J. Aimaulytuly and his contemporaries, whose writings reflect their political views. As a result, new insights were gained regarding the nature and implications of Aimaulytuly's translations as a political figure.

Keywords: J. Aimaulytuly, translation, Alash, rewriting, translation strategy, Lefevere.

Введение

Как показывает предварительный анализ данных, в переводах, выполненных представителями движения Алаш в первое десятилетие режима, присутствуют такие идеи, как независимость, открытость миру и демократические принципы. Также переводчики еще имели возможность отбирать тексты для перевода. Начало установления четких запретов со стороны тоталитарного режима относится к концу двадцатых годов, когда стало ясно, что существуют разногласия между идеологическими установками казахской интеллигенции – членов движения Алаш и Коммунистической партии – официальной правящей партии в стране. Но борьба за свободу продолжалась на невидимых фронтах, таких как литература и перевод. Большевики, в силу конкуренции в культурном пространстве, устраняли оппозиционеров посредством жестких репрессий. Все эти исторические элементы, имевшие место в общественно-политической жизни, кажутся очень важными при изучении изменений в переводах.

Настоящее исследование вносит вклад в развитие переводоведения и литературоведения, соединяя анализ казахской переводческой практики 1920-х годов с современными теориями Translation Studies. Опираясь на концепцию «переписывания» А. Лефевра и сопоставляя её с подходами советской школы перевода, работа показывает, как перевод в условиях политического давления выступает инструментом формирования национального литературного канона. Такой подход расширяет существующие научные представления о социокультурной функции перевода и открывает перспективы для дальнейших исследований постколониальных и многоязычных литератур.

При изучении переведенные на казахский язык произведения в 1920-ые годы, выявлено что они исследовались в Казахстане с точки зрения переводоведения. Однако существующие исследования до сих пор не смогли дать адекватного отчета о роли, которую сыграли переводы и «переписывания» членов движения Алаш в создании образов авторов, которые противоречили социалистическим образам, которых требовала в тот период Коммунистическая партия. Хотя переводы произведения на казахский язык и их переводчики упоминались как нечто само собой разумеющееся — отмечалось, без дальнейшего анализа [1; 2; 3], а некоторые переводы изучались в нескольких статьях [3; 4], ни в одном из них они не рассмотрены с учетом их функций в контексте идеологии и поэтики. В основном, анализы переводов были основаны на теоретические концепции представителей советской школы теории перевода, таких как А. Федоров, К. Чуковский, Г. Гачечиладзе, Н. Гарбовский и других ученых современного русского переводоведения. Сравнение слов и предложений в трех языках и их точность оценивались с точки зрения набора нормативных теорий. Соответственно, исследователи пытались определить лингвистическую «точность» переводов. И в этой связи переводы оцениваются как «вольный

перевод» [4, с. 241], «точный перевод» или «мастерский перевод» [5, с. 49; 6, с. 37, с. 74, с. 75]. Но большинство исследований не признают тот факт, что за этими переводами стояли сложные факторы, исследование которых может ответить на такие вопросы: почему были выбраны именно эти произведения, как они были переведены и какова была цель переводчиков, и, наконец, какие образы авторов были созданы в казахской литературе?

Однако одной общей чертой этих исследований является то, что они показывают нам закономерность, общую для всех переводов, сделанных в 1920-х годах: многие слова в казахских текстах были «неточно» переведены с лингвистической точки зрения. Но ни в одном из вышеперечисленных исследований причина этого «неточного перевода» не изучалась и не анализировалась с политической, социальной или идеологической точки зрения. Отсюда возникает вопрос, почему переводчики в 1920-х годах допускали такие лингвистические «ошибки», несмотря на то, что прекрасно знали исходный язык. Этот вопрос остается без ответа.

В связи с этим в вышеуказанных исследованиях не была проведена системная и правильная контекстуализация с политико-социальной или идеологической точек зрения относительно того, почему «ошибки» или «неточно» переведенные слова, обнаруженные в текстах, переведенных политическими деятелями, были переведены именно таким образом. Влияние контекстуальных «очень конкретных факторов» [7, с. 2] на стратегии переводчиков и роль созданных образов автора посредством переводов в целевой культуре в разные периоды еще не изучены. Поскольку люди, которые переводили произведения на казахский язык в 1920-х и 1930-х годах, были не просто переводчиками, а представителями политической элиты государства, на наш взгляд, важно обратить внимание на политическую, социальную и идеологическую подоплеку их переводов и изучить их с другой точки зрения.

Методы исследования и материалы

Переводы являются формой переписывания, наряду с другими формами переписывания, такими как критика, антологии, историография, учебники, справочные работы и т.д., все из которых создают образы писателей и их произведений [8; 7; 9]. Переводы «вместо того, чтобы быть вторичным и производным жанром, были вместо этого одним из основных литературных инструментов, которые крупные социальные институты — образовательные системы, художественные советы, издательские фирмы и даже правительства — имели в своем распоряжении, чтобы «манипулировать» данным обществом с целью «конструировать» желаемый вид «культуры» [10, с. x]. Соответственно, переводчики и другие переписчики участвуют в процессе конструирования культуры. Поэтому создание этих образов и их воздействие следует подробно изучить, поскольку исследование этих образов «в эпоху постоянно растущей манипуляции всех видов» [11, с. vii], несомненно, важно и может помочь нам лучше понять мир, в котором мы живем (там же). Кроме того, исследование стратегий из истории перевода позволяет теоретикам лучше понять процесс посредничества между культурами [10, с. ix].

С точки зрения вышеизложенного, при анализе переводов на казахский язык мы уделили особое внимание следующим факторам: исторический контекст того времени, идеология, личность переводчика и его творческая лаборатория, а также тенденции в литературной поэтике 1920-х годов. После описания и объяснения факторов, как указано выше, которые влияют на стратегию, принятую переводчиком, будет проведен анализ самого перевода.

Роль использованных источников в исследовании четко разграничена. Работы А. Лефевра [7; 8; 11] задали теоретическую рамку концепции «переписывания»; труды С. Басснет и Лефевра [9] помогли рассмотреть перевод как форму культурной медиации; идеи Э. Гентцлера [10] — как основу для анализа переводов как идеологической

репрезентации. Классические труды советской школы перевода (А. Федоров, К. Чуковский, Г. Гачечиладзе, Н. Гарбовский) использованы как контрастный фон для сопоставления нормативных представлений о «точности» перевода. Такой показ роли источников делает аргументацию более прозрачной и усиливает академическую ценность исследования.

В этой работе мы попытаемся ответить на вопросы: почему эта история была переведена? Как она была переведена? Какие образы авторов были созданы на казахском языке?

Корпус для этой работы состоит из двух основных частей: исходных текстов (ИТ) и целевых текстов (ЦТ). Поскольку основной целью этого исследовательского проекта является изучение особенностей процесса создания образов авторов в Казахстане в 1920-е годы (а именно, когда происходила смена власти) посредством исследования стратегий перевода и влияния политической и социальной ситуации на практику перевода, материал был выбран с целью создания связного и управляемого корпуса для такого исследования.

В качестве корпуса были выбраны переводы на казахский язык сделанные Жусупбеком Аймауытулы. В соответствии с целями данной работы методологической основой для этого проекта был выбран качественный анализ, позволяющий рассматривать переводы на текстовом и контекстуальном уровнях.

Все переводы цитат и примеров, взятых с казахского и русского языков, а также выделения выполнены Тусуповой.

Анализ и результаты

Стратегия перевода Ж. Аймауытулы: темы

С момента открытия и предоставления доступа к разным архивам обнаруживаются новые произведения и переводы Ж. Аймауытулы. В данной работе мы рассматриваем те переводы, исходные тексты которых найдены и введены в академический оборот.

Равенство женщин, критика отсталых обычаев и традиций, религия

Одним из переводов Аймауытулы о правах женщин является произведение французского писателя Фердинанда Дюшенна «Тамилла» (1921). В нем критикуется неравенство женщин и показывается, что женщины в казахском обществе находятся под влиянием религиозных догм. В предисловии к переводу Аймауытулы [12, с. 4] писал: «Мы надеемся, что эта история не будет бесполезной для читателей, потому что здесь показана тяжелая жизнь женщины».

Произведение касается трагической судьбы арабской девушки. Отец сначала продает свою дочь Тамиллу за «қалыңмал» (выкуп за невесту). Затем муж оставляет ее и женится на другой женщине; отец снова продает Тамиллу за выкуп другому мужчине в жены. В конце романа Тамилла умирает бездомной и нежеланной.

Избирательный перевод этого произведения Аймауытулы сопровождается, во-первых, убеждением движения Алаш в том, что отсталые религиозные догмы тормозят развитие общества. Они хотели отделить религию от государства и выступали за светскость. Во-вторых, это произведение поднимает важную дискуссионную тему – проблему женского равноправия. В казахском обществе за невест также давали *қалыңмал* (выкуп за невесту). Женщины не имели решающего голоса в семейных и общественных делах. Эти сходства между произведением об арабской девушке и жизнью казахских женщин побудили Аймауытулы перевести это произведение. Целью было критиковать некоторые казахские традиции, не уважающие права человека, и призвать к отказу от них. Также в литературе Алаш были написаны различные произведения в направлении критического реализма о тяжелой судьбе женщин в казахском обществе.

В предисловии к роману Аймауытулы рассуждает о культуре и ищет ответы на вопрос, что такое культура. По его мнению, культура состоит из двух вещей: технического прогресса

и духовного искусства. Здесь определение культуры Аймауытулы совпадает с определением движения Алаш. Аймауытулы [12, с. 4] уделяет особое внимание литературе и говорит, что в ее развитии мы должны следовать примеру Европы: «Чтобы наша прозаическая литература процветала, мы должны следовать примеру избранных европейских мастеров слова». То есть Аймауытулы в этом вопросе был прозападным.

Еще одно произведение, посвященное равноправию женщин, – повесть индийского писателя Рабиндраната Тагора «Шубха» (1892). В ней описывается традиция восточных народов отдавать девушку замуж против ее воли. То, как сложится жизнь девушки, зависит от решений ее родителей. Главная героиня Шубха живет в обществе, где она не имеет права распоряжаться собственной жизнью. Шубха глухая. Это еще одна трагедия ее и без того печальной жизни. Никто ее не понимает, даже родители. В романе описывается, как все эти печальные обстоятельства камнем легли на плечи девушки. Родители и родственники хотят поскорее выдать ее замуж. Разговор является глубоким выражением психологического состояния девочки-подростка.

Это произведение, конечно же, было выбрано Аймауытулы в соответствии с идеологией движения Алаш, пропагандирующего равноправие женщин. В то же время мастерское описание психологического состояния главной героини в произведении явно представляло интерес для Аймауытулы как для писателя, развивающего направление психологии в казахской прозе.

Произведения, переведенные в образовательных целях

Перевод Аймауытулы рассказа А.П. Чехова «Бумажник» (1885) – один из его переводов произведений, критикующих вредные привычки. В этом рассказе три актера находят кошелек, полный денег, и делят их друг с другом. Один из них хочет открыть большой театр и сделать что-то полезное для страны, поэтому он решает убить двух других и забрать их доли. Двое других решают, что он молод и глуп и выбросит деньги на ветер. Поэтому они решают убить его и забрать его долю. В конце рассказа дается краткая мораль:

«[...] когда актеры со слезами на глазах говорят о своих дорогих товарищах, о дружбе и взаимной «солидарности», когда они обнимают и целуют вас, то не очень увлекайтесь» [13, с. 444].

В казахской версии («Күмәжнек») эта мораль не была переведена [14, с. 179-181]. В казахской версии персонажи не актеры, а путешественники. Очень характерны для перевода рассказы самого Аймауытулы, имеющие воспитательное значение и поощряющие в плане избегания дурных качеств, такие как «Тінікейді не ойландырды» (О чем задумалась Тінікей) (1924), «Жапырактар» (Листья) (1926), «Көк өгіз» (Синий бык) (1929) и т. д. То есть Аймауытулы переписал оригинал в связи со своими идеологическими установками. Возможно, именно по этой причине он не указал, что рассказ взят именно из оригинала Чехова, так как внес в перевод различные существенные изменения. Он только указывает, что эта история была переведена «с русского языка» [14, с. 179]

Перевод рассказа «Бедные люди» (1905) - «Бейшаралар» [15] Виктора Гюго (через перевод Толстого) также был переведен в образовательных целях и касается концепции «ақжүректік» (ақ – белый; жүрек – сердце). Этот рассказ был переведен полностью, и был указан автор оригинала. В рассказе исследуется важность сохранения сострадания и филантропии, несмотря на бедность и несчастье.

Образование и популяризация науки

Аймауытулы перевел отрывок из произведения «Маснауи» Джалаладдина Руми (1207-1273) с его русской версии. Оно было опубликовано на русском языке под названием «Как начал писать свою книгу Мулла Ирамэ» (1910), переведено на русский язык Дудоровым.

Аймауытулы написал предисловие к переводу на казахском языке. В нем он объяснил, что Маснауи был высокообразованным человеком, который выступал против консервативно-

догматической философии религии, и что его труды были очень ценны и важны. Аймауытулы писал [16]: «Его (Руми – Г.Т.) бог – не бездомный, бестелесный, неизвестный, не неопределенный бог, его бог – истина, свет и правда». Другими словами, Бог – это не тот бог, о котором говорят муллы, который эксплуатирует и запугивает народ. Аймауытулы (там же) использовал прилагательные «истинный», «светлый» и «истина» как антонимы прилагательных «бестелесный», «неизвестный», «смутный». Здесь он приравнивает значения слов «истинный», «светлый» и «истина» к понятиям «знание» и «наука». Благодаря знаниям и науке невидимое можно увидеть и логически интерпретировать. Это не слепая вера. Образование и наука приносят пользу всем. Они «светят» всем. Здесь он пересматривает понятия религии и веры в Бога с точки зрения идеологии движения Алаш. Аймауытулы говорит, что нужно верить в силу знания и науки, а не в слепую веру. Здесь можно упомянуть несколько произведений Алихана Бокейхана, одного из тех, кто определил основные направления литературы Алаш, объясняя и пропагандируя именно эту концепцию. То есть, по его мнению, знания и наука подобны лучу света для человечества, как солнце. Например, в рассказе «Күн» (Солнце), который он перевел с Толстого, наука и знания отождествляются с лучом света [17] или в своей статье «Луи Пастер», описывая и рассуждая о научных открытиях ученого, Бокейхан [18] объясняет, какую пользу принесли эти открытия человечеству. В конце своей статьи он говорит: «Знание подобно солнцу: оно благословляет и согревает всех» [18, с. 325]. И что нет человека на земле, который бы не извлек пользу из открытий Пастера. То есть, исходя из этого, Аймауытулы, как один из создателей и идеологов литературы Алаш, представляет образование и науку как свое главное убеждение. Это, в свою очередь, перекликается с двумя составляющими идеологии движения «Алаш» – развитием науки и образования (становлением технократической нацией) и идеями секуляризма. Идея секуляризма заключалась в устранении любого негативного влияния религиозных течений, которые были широко распространены среди татарских мулл. Это связано с тем, что татарская версия ислама, которая была широко распространена, пропагандировала покорность императору. Поэтому призыв людей верить в науку и образование вместо религии был одним из основных направлений, по которому активно и интенсивно работали члены Движения Алаш. Свидетельства этого, конечно, можно найти в произведениях писателей и поэтов того времени. Однако в силу цели и объема данной статьи мы не можем дать здесь полный обзор таковых.

Еще одна тема, затронутая Аймауытулы в этом переводе, – колониальный гнет. Например, фраза на русском языке:

«Я напишу книгу, большую честную книгу, в которой открою людям правду, научу их добру и любви и научу как надо жить» [19, с. 6]

расширены в переводе на казахский язык. То есть, слова и фразы с идеологическим значением были включены в целевой текст на казахском языке:

«Сондықтан мен кітап жазуға, шындықты жасырмай айтатын, әділ, таза, жақсы кітап жазуға бел байладым, қорғансыз, күйсіз сорлыларға пайда бергендей, жәбіршілердің жәбірін бетіне басқандай, жарлыларға білім, алданыш болғандай, не істерін үйреткендей кітап жазуға бел будым» [16].

Фраза «қорғансыз, күйсіз сорлыларға» (беззащитные, бедные и угнетенные) относится к положению казахского народа в то время, который не смог добиться независимости, был вынужден принять советскую идеологию и попал в зависимость от политики большевиков. Слова «угнетатели» означают, что большевики угнетали казахский народ посредством гонений и голода. Установление советской власти, с целью внедрения в общество понятия «класс», стало разделять страну на богатых и бедных. Богатых истребляли, преследовали, а их имущество конфисковывали. В то же время около 1,5 млн казахов погибли во время голода 1921–1922 годов от сокращения поголовья скота [20, с. 125]. Помощь голодающим

оказывали бескорыстные силы движения «Алаш». Они собирали средства и распределяли продукты в районах, где голод был распространен. Позже, во время сталинских репрессий, эти случаи были признаны преступлениями [20, с. 131].

Кроме того, эта часть конкретного предложения на казахском языке: «...*жарлыларға білім, алданыш болғандай, не істерін үйреткендей...*» (...чтобы эта книга дала знание и утешение бедным, чтобы эта книга научила их, что делать дальше) [16], которая отсутствует в исходном тексте, добавлена в соответствии с пониманием движения Алаш функции литературы в обществе, то есть концепцией, согласно которой книги и литература должны служить цели распространения знаний среди людей и указания им пути поведения.

Переводы рассказов в направлении психологии

Аймауытулы в 1929 году перевел с русского языка рассказ Конрада Берковичи (1882-1961) «Өрбике» (Высокомерная девушка) (на русский язык рассказ был переведен Охрименко в 1926). В нем рассказывается история девушки, которую выкупили в качестве невесты и которая сначала ненавидела своего мужа, но в итоге полюбила его. В этом рассказе описываются многие психологические аспекты человеческой натуры. В свою очередь, основной сюжет схож с сюжетом «Укрощения строптивой» Шекспира. Причины перевода этого произведения, во-первых, в том, что затрагивается тема выкупа невесты; во-вторых, Аймауытулы, как писатель, развивавший направление психологии в казахской литературе, был заинтересован в мастерском изложении психологии поведения человека в этом произведении.

В 1926 году Аймауытулы также перевел с русского языка психологическую повесть Берковичи «Әке мен бала» (Отец и сын) (повесть была переведена на русский язык Охрименко в 1924). Эта история повествует об отношениях отца и сына, которые боролись за лидерство, а также об умственном и психологическом состоянии друг друга. В эту категорию также входит повесть «Су жүзінде» (На реке) (1881) Ги де Мопассана, которую Аймауытулы в 1924 году также перевел с русского языка.

Антиколониализм и свобода

На тему антиколониализма и свободы Аймауытулы перевел четыре рассказа Конрада Берковичи – «Семя», «Закон не знающих закона», «Мурдо», «Смерть Мурдо» и один рассказ Семена Чуйкова «Вершинная быль». Конечно, эти произведения можно рассматривать и как переводы в направлении психологии. Однако, сравнивая их переводы и предисловия, было замечено, что в переводных текстах на казахском языке Аймауытулы основной акцент делал на антиколониальных высказываниях. Эти особенности привели к объединению этих произведений под темой переведенных рассказов об антиколониализме и свободе.

Аймауытулы перевел рассказ «Семя» (1926) на казахский язык под названием «Тұқым» [21], который он опубликовал в журнале «Жаңа мектеп» (Новая школа). Это рассказ о бедной стране, богатства которой были разграблены торговцами со всего мира, которых интересовали высококачественная пшеница, лошади, самый сладкий в мире мед. Таким образом, все торговали и в конечном итоге потеряли своих племенных лошадей, семена пшеницы и пчел. Торговцы бросили работу и стали ленивыми. Страна, у которой ничего не осталось, — это страна, которая потеряла себя. Все вышеперечисленное описывает сходство с ситуацией, в которой оказался казахский народ, который в то время попал под колониальный гнет и начал терять свои земли, богатства и традиции. В переводе раскрывается идея о том, что иностранные силы и колониальные законы негативно влияют на жизнь казахов и что это постепенно приведет к потере всего: земли, культуры, идентичности.

В 1925 году Аймауытулы перевел на казахский язык повесть Чуйкова о казахах «Вершинная быль» (1924) и издал ее отдельной книгой в Ташкенте под названием «Тау еліндегі оқиға». В этом произведении рассказывается о том, как происходила

большевистская революция в казахских степях. По словам Чуйкова, казахский народ организованно ждал большевиков, был идеологически готов к революции. В повести говорится, что в начале революции казахи вступили в большевистскую армию и установили в Казахстане советскую власть. Это одно из произведений, написанных в русле советской идеологии. Автором повести был художник родом из Киргизии Семен Чуйков. В 1949 году за серию картин «Киргизская колхозная сюита» он был удостоен Сталинской премии II степени.

Этот перевод уникален среди других переводов Аймауытулы. Это потому, что он в основном переводил мировые высокохудожественные шедевры; однако, это конкретное произведение не было из этой категории. Хотя события в повести интенсивны, связь между ними слаба. Диалоги слишком грубы. Внутренний мир персонажей не описан, нет описания психологических аспектов, а повествование состоит из сухого публицистического повествования. Это произведение очень примитивно на художественном уровне, по сравнению с достижениями казахской прозы того времени.

Однако ответ на вопрос, почему Аймауытулы перевел это произведение, можно найти в его предисловии к переводу. Здесь он четко излагает причины. По его словам, это произведение о казахах прочитало большое количество европейцев, и на его основе формируются мнения. Он сказал, что это произведение, написанное на русском языке, вызвало интерес у многих читателей. Однако традиции и быт казахов, описанные в произведении, не соответствуют действительности. Чуйков — поэт революции, поэтому он делает вид, что казахи Семиречья приветствовали революцию и понимали ее идеи, но на самом деле это ложь:

«Анығында солай ма? Қалың бұқара тұрсын, төңкеріс боларын, одан кеңес өкіметі орнарын әуелі оқыған азаматтардың, саясатшыларымыздың қаншасы алдын ала болжады?» (Правда ли это? Кроме народа, сколько ученых и политиков могли бы хотя бы предсказать, что революция и Советская власть наступят в реальности?) [22, с. iii].

Другими словами, Аймауытулы объясняет, что эта работа не настоящая, это пропаганда, написанная в направлении советской идеологии. Он также отмечает и предупреждает, что перевод буквальный, предлагая читателю самому оценить язык и качество оригинала; имея в виду что язык оригинала "бедный".

Оппозиционность к революции очевидна из предисловия. Позиция, которую Аймауытулы занимает против большевистской революции в целом, совпадает со взглядами движения Алаш, возглавляемого Алиханом Бокейханом. Видный деятель Движения, председатель Западного отдела правительства Алаш-Орды Жанша Досмухамедулы [23, с. 138], в своих показаниях на допросе следователя Управления НКВД по Московской области 4 июня 1938 года заявил, что алашординцы считают, что советское правительство проводит ту же агрессивную политику, что и царизм, называя ее «красным империализмом».

Аймауытулы перевел это произведение из-за его информативности. Иными словами, он стремился познакомить казахов с произведениями, написанными о них, а также донести до читателя антиреволюционные взгляды Движения, выразив в своем предисловии идеологическую оппозицию Движения революции и советской политике.

В заключение, Аймауытулы переводил произведения избирательно из-за «уникальности» казахов [24, с. 4]. Иными словами, значение термина «уникальность» — это казахский образ жизни, их обычаи, их политические и социальные потребности. Все эти приоритеты были переплетены с идеологией Движения Алаш. Поэтому при переводе произведений Аймауытулы выбирал их в соответствии с целями и интересами идеологии Алаш, то есть «уникальности» казахов.

Стратегия перевода Аймауытулы: методы

В этих разделах рассматриваются, описываются и определяются методы, используемые Аймауытулы при реализации стратегии адаптации.

Сокращение и пропуск

Среди переводов, выполненных Аймауытулы, есть большое количество, которые были сделаны без сокращений, хотя есть и много сокращенных. Например, «Тамилла» (Фердинанд Дюшен), «Шубха» (Рабиндранат Тагор), «Бумажник» (Чехов), «Мурдо», «Смерть Мурдо» (Берковичи) были сокращены при переводе на казахский язык.

Исходный текст «Тамиллы» составляет 230 страниц, в то время как перевод на казахский язык составляет 116 страниц, что означает, что исходный текст был фактически сокращен вдвое при переводе. Основной акцент был сделан на тему прав женщин при переписывании на казахский язык. Рассказ «Шубха» - «Балжан» [25] также был переведен в сокращенном виде. Например, исходный текст разделен на несколько разделов, но на казахском языке этого нет. Произведение было переписано, чтобы рассказать историю о равноправии женщин, адаптированную к основной теме идеологии и литературы Алаш.

Также Аймауытулы сократил те части произведения, которые не соответствовали идеологии Алаш или казахскому менталитету. Например, в рассказе «Смерть Мурдо» (Берковичи) утверждения главного героя о том, что книги и образование бесполезны, остались непереуведенными [26] на казахский язык, поскольку они напрямую противоречат идеологии движения Алаш в отношении продвижения образования и науки.

Дополнение и расширение

Аймауытулы также использует прием расширения и развития в процессе адаптации переводов, то есть добавления слов, которых нет в исходном тексте, но которые придают определенное смысловое значение. Например, предложение на русском языке: «Я люблю тебя, мои бедные люди!» [19, с. 5] было переведено на казахский язык как: «Сүйемін сені, жаншылған, нашар жұртым» (Я люблю вас, мой угнетенный, слабый народ) [16].

В оригинальном тексте нет слова «угнетенные»; Аймауытулы добавил его, чтобы выразить бедственное положение казахов из-за их колониального гнета. Кроме того, точный семантический перевод слова «бедный» в оригинальном тексте на казахском языке был бы «бейшара». Однако Аймауытулы вместо этого использовал слово «нашар» (слабый). То есть он имеет в виду, что казахский народ «слаб» в плане образования и науки и т.д. В результате таких методов, как дополнение и развитие, рассказ создает впечатление, что он был написан о положении казахов и что автор обращается к казахскому народу.

Изменение

Кроме того, Аймауытулы использовал метод изменения смысла и цели исходных текстов в некоторых переводах. Например, в русском переводе рассказа «Сказки муллы Ирамэ», цель Ирамэ – показать людям путь познания Бога, но в казахском переводе такой цели нет. Единственная цель, оставленная в казахском тексте, – объяснить решение Ирамэ написать книгу. Для достижения этой цели некоторые части исходного текста о Боге остались непереуведенными. Например, в исходном тексте на русском языке:

«Вам, о братья мои, хотел бы я вложить в сердце слово истины, соединить ваши руки и в громком вопле прославить Аллаха, создавшего небо и землю, свет и тьму и тебя, о бедный брат мой – человек!» [19, с. 5].

или *«Да, да, вот что поможет мне исполнить волю Аллаха!»* [19, с. 6]. Эти предложения были опущены в тексте на казахском языке.

Универсум дискурса: замена

Аймауытулы при переводе элементов универсума дискурса исходного текста заменял все таковые казахскими понятиями. Они классифицированы и описаны в следующих разделах.

Пословицы и фразеологические единицы

При переводе Аймауытулы часто использовал метод поиска казахских аналогий, соответствующих пословицам, идиомам, фразеологическим единицам исходного текста, а не переводил их буквально. Например, в ИТ на русском языке: «скрасить старость» [27, с. 190] было переведено на казахский язык – «көсеге көгерту», что имеет то же значение на казахском языке, а также является фразеологической единицей [28, с. 274]. Пословица из ИТ «Не клади в суп птицу, которая еще летает в лесу» [29, с. 119] в ТТ заменена казахской пословицей с тем же смыслом: «Асатпай жатып құлдық деме» (Не благодари, пока не положишь в рот) [30, с. 343].

Обычаи и традиции

Аймауытулы адаптировал переводы традиций к казахским традициям. Например, в ИТ на русском языке:

«- Мы все знаем, Кургуз Мехмет, что, зря ты ничего не делаешь. И то, что ты так скоро после смерти Сахандэ задумал жениться, - лучшая честь ее памяти» [27, с. 191].

То есть герой рассказа Кургуз был доволен своей семейной жизнью и хотел продолжить это же счастье. То есть, чем раньше мужчина женится после смерти жены, тем больше он проявляет уважения к ее памяти. В казахской традиции, напротив, это является признаком неуважения к памяти умершей жены или мужа. Согласно казахской традиции, мужчина или женщина выжидают (не менее) год после смерти супруга. Поэтому в переводе Аймауытулы [28, с. 275] этот отрывок ИТ передан на казахский язык следующим образом:

«Қандыкөз Мәмет, сенің орынсыз іс қылмайтыныңды бәріміз білеміз, Сақып Жамал қайтыс болған соң кідірмей қатын аламын дегеніңде, оның аруағын сыйламадың» (Кровавый глаз, Мамет, мы все знаем, что ты ничего не делаешь напрасно и необдуманно. Но когда ты сказал, сразу после смерти Сақып Жамала, что женишься, ты проявил неуважение к ее памяти).

Или в ИТ: «Мне пришлось покончить с ее страданиями и затем продолжать путь пешком» [31, с. 33]. Здесь герой рассказывает о том, что его лошадь сломала ногу, и ему пришлось ее убить, чтобы она не страдала, но он не говорит, как он это сделал. Аймауытулы (1926–1927/2015) перевел вышеизложенное согласно казахской традиции: «Атымның жанын кинамайын деп, бауыздадым да, жаяу аяндай бердім» (Я зарезал свою лошадь, чтобы положить конец ее страданиям, и пошел пешком).

Имена персонажей

Во всех своих переводах Аймауытулы заменял имена персонажей в ИТ казахскими именами в ЦТ или переводил их в соответствии с их значением. Например:

Таблица 1 – Имена персонажей [13; 14; 21; 25; 27; 28; 31]

Исходный текст	Целевой текст	Произведение
<i>Шубха</i>	<i>Балжан</i>	“ <i>Шубха</i> ”, Р. Тагор
<i>Пратап</i>	<i>Алтай</i>	“ <i>Шубха</i> ”, Р. Тагор
<i>Смирнов</i>	<i>Қойбағар</i>	“ <i>Бумажник</i> ”, А.П. Чехов
<i>Попов</i>	<i>Тұнғатар</i>	“ <i>Бумажник</i> ”, А.П. Чехов
<i>Балабайкин</i>	<i>Майпалау</i>	“ <i>Бумажник</i> ”, А.П. Чехов
<i>Гордячка Яхдэ</i>	<i>Өрбике</i>	“ <i>Гордячка Яхдэ</i> ”, К. Берковичи
<i>Сахандэ</i>	<i>Сақып Жамал</i>	“ <i>Гордячка Яхдэ</i> ”, К. Берковичи
<i>Тептат</i>	<i>Гүлишат</i>	“ <i>Семя</i> ”, К. Берковичи

Измерения времени, расстояния

В своих переводах Аймауытулы использовал казахские традиционные уникальные измерения времени и расстояния. Например:

Таблица 2 – Измерения времени, расстояния [27; 28]

Исходный текст	Целевой текст	Произведение и автор
Час	Бие сауым уақыт (время доения кобылы)	«Гордячка Яхдэ» – «Өрбике» (К.Берковичи)
Верст (мера длины, равная 1,06 км.)	Шақырым (казахская мера длины, расстояние, на котором слышен голос)	«Гордячка Яхдэ» – «Өрбике» (К.Берковичи)

Также при переводе Аймауытулы заменил названия блюд, напитков, одежды и большинство названий, связанных с иерархией лидеров в обществе, на понятия из казахской культуры. Однако во всех переводах топонимические названия даны полностью и без изменений.

Оригинальные произведения самого Аймауытулы считаются на очень высоком уровне с точки зрения языковой чистоты, литературного стиля и искусства [32; 33; 34]. Точно так же язык перевода является высокохудожественным. В переводах очень мало иностранных слов и вообще нет заимствований. Он переводил, не нарушая грамматических правил казахского языка. То есть Аймауытулы сохранял «чистоту казахского языка» [24, с. 4] в переводе.

Заключение

В заключение, Аймауытулы следовал стратегии адаптации при переводе произведений на казахский язык. Его идеология идентична идеологии Движения Алаш («покровитель» по теории переписывания). При своих адаптациях Аймауытулы использовал следующие методы: во-первых, он выбирал темы переводимых произведений, которые соответствовали нормам идеологии и литературы движения Алаш. При адаптации использовались методы сокращения, опущения и изменения (адаптация в связи с «уникальностью» казахов); во-вторых, для сохранения чистоты казахского языка он использовал метод замены аналогами на разных уровнях («соблюдение закона казахского языка»). В результате этой стратегии адаптации переведенные произведения и иностранные авторы могли быть представлены и поняты казахским читателям как авторы и произведения, которые поднимали важные вопросы, касающиеся казахского общества. Таким образом, Жусупбек Аймауытулы своими переводами создавал среди казахских читателей «проалашский» имидж зарубежных авторов и произведений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жұмаш А. Джек Лондонның «Меңіреу мұнар» әңгімесінің аудармалары // Абай атындағы ҚазҰПУ Хабаршысы. Филология сериясы. – 2016. – № 2(56). – Б. 389–391.
2. Қазыбек Г. Аударма тәжірибесі. – Алматы: Қазақ университеті, 2009. – 215 б.
3. Төнкер А., Болат А. Джек Лондон шығармаларының қазақ тіліндегі көріністері // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Хабаршысы. Филология сериясы. – 2019. – № 2(174). – Б. 275–279.
4. Жұмақаева Б.Д., Аманғалиева З.Т. Джек Лондонның «Киш туралы» әңгімесінің қазақ тіліндегі аударма нұсқалары // Абай атындағы ҚазҰПУ Хабаршысы. Филология сериясы. – 2016. – №2(56). – Б. 237–241.
5. Түсіпова Г.Б. Ағылшынтілді жазушылар әңгімелерін қазақ тіліне аудару тәжірибесі. – Павлодар: Арал, 2012. – 145 б.

6. Аубәкірова Қ. XX ғасыр басындағы көркем аударма мәселелері. – Семей: Интеллект, 2020. – 160 б.
7. Lefevere A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. – London, New York: «Routledge», 1992. – 270 p.
8. Lefevere A. Why Waste Our Time on Rewrites? The Trouble with Interpretation and the Role of Rewriting in an Alternative Paradigm // In: T. Hermans, ed., The Manipulation of Literature. – New York: St-Martin's Press. – P. 215–243.
9. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures. – Clevedon, Philadelphia: Multi Lingual Matters, 1998. – 220 p.
10. Gentzler E. Contemporary Translation Theories. – Clevedon: Multi Lingual Matters, 2001, – 285 p.
11. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004. – 185 p.
12. Аймауытұлы Ж. Дәмелі // Парасат. – 1990. – №3–8. – Б. 4–16.
13. Чехов А. Бумажник // В кн.: А.П. Чехов. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 3. – М.: Наука, 1983. – С. 83–87.
14. Аймауытұлы Ж. Күмәжнек // Кіт.: Жүсіпбек Аймауытұлы шығармаларының алты томдығы. Т. 3. – Алматы: Ел-шежіре, 2013. – Б. 179–181.
15. Аймауытұлы Ж. Бейшаралар // Кіт.: Алаш көсемсөзі: Абай журналы. Т.8. – Астана: Алаш-Орда, 2011. – Б. 223–227.
16. Аймауытұлы Ж. Молда Ираидің кітап жазуға қалай кіріскені туралы. [Электрондық ресурс]. URL: <https://adebiportal.kz/kz/news/view/11401> (қаралған күні 20.10.2021)
17. Бөкейхан Ә. Күн // Кіт.: Әлихан Бөкейхан шығармалары көптомдығы. Т.12. – Астана: Алашорда, 2018. – Б. 276–277.
18. Бөкейхан Ә. Луи Пастер // Кіт.: Әлихан Бөкейхан шығармалары көптомдығы. Т.11. – Астана: Алашорда, 2018. – Б. 323–325.
19. Дудоров П. Сказки мурлы Ирамэ. – М.: Новая Москва, 1923. – 120 с.
20. Жұртбай Т. Әуезов және Алаш идеясы // Кіт.: Алаш және Әуезов. – Астана: Жазушы, 2007. – Б. 119–135.
21. Аймауытұлы Ж. Тұқым. [Электрондық ресурс]. URL: <https://abai.kz/post/41551> (қаралған күні 20.10.2021)
22. Аймауытұлы Ж. Тау еліндегі оқиға. – Ташкент: Қазақстан мемлекет баспасының Күншығыс бөлімі, 1925. – 140 б.
23. Аққұлұлы С.Ж. Қазақ жерінің жоқшысы. Т.2. – Астана: Алашорда, 2017. – 475 б.
24. Аймауытұлы Ж. Аударма туралы // Қазақ әдебиеті. – 1989. – №1 (6 қаңтар). – Б. 4.
25. Аймауытұлы Ж. Балжан // Кіт.: Жүсіпбек Аймауытұлы шығармаларының алты томдығы. Т. 3. – Алматы: Ел-шежіре, 2013. – Б. 284–289.
26. Аймауытұлы Ж. Мұрданың өлімі // Кіт.: Жүсіпбек Аймауытұлы шығармаларының алты томдығы. Т. 3. – Алматы: Ел-шежіре, 2013. – Б. 363–374.
27. Охрименко П. Гордячка Яхде // В кн.: Цыганские и татарские рассказы. – М.: Н.А. Столяр, 1926. – С. 183–204.
28. Аймауытұлы Ж. Өрбике // Кіт.: Жүсіпбек Аймауытұлы шығармаларының алты томдығы. Т. 3. – Алматы: Ел-шежіре, 2013. – Б. 271–284.
29. Охрименко П. Закон не знающих закона // В кн.: Дочь укратителя. – М.: Н.А. Столяр, 1926. – С. 109–134.
30. Аймауытұлы Ж. Заң білместің зары // Кіт.: Жүсіпбек Аймауытұлы шығармаларының алты томдығы. Т. 3. – Алматы: Ел-шежіре, 2013. – Б. 338–353.
31. Охрименко П. Семя // В кн.: Цыганские и татарские рассказы. – М.: Н.А. Столяр, 1926. – С. 31–54.
32. Тұрысбек Р. Тарих, таным, тағылым. – Астана: Astana building, 2008. – 300 б.
33. Исмакова А. Казахская художественная проза: Поэтика, жанр, стиль (начало XX века и современность). – Алматы: Ғылым, 1998. – 392 с.
34. Нұрғали Р. Қазақ әдебиетінің алтын ғасыры. – Астана: Күлтегін, 2002. – 398 б.

REFERENCES

1. Zhumash A. Dzhek Londonnyn «Menireu munar» angimesinin audarmalary [Translations of Jack London's story "The Tower Of The Mole"] // Abai atyndagy QazUPU Habarshysy. Filologia seriasy. – 2016. – № 2(56). – B. 389–391. [in Kazakh]
2. Qazybek G. Audarma tazhiribesi [Translation experience]. – Almaty: Qazaq universiteti, 2009. – 215 b. [in Kazakh]
3. Tonker A., Bolat A. Dzhek London shygarmalarynyn qazaq tilindegi korinisteri [Views of Jack London's works in Kazakh] // Al-Farabi atyndagy QazUU Habarshysy. Filologia seriasy. – 2019. – № 2(174). – B. 275–279. [in Kazakh]
4. Zhumaqaeva B.D., Amangalieva Z.T. Dzhek Londonnyn «Kish turaly» angimesinin qazaq tilindegi audarma nusqalary [Translation versions of Jack London's story "About Kish" in Kazakh] // Abai atyndagy QazUPU Habarshysy. Filologia seriasy. – 2016. – №2(56). – B. 237–241. [in Kazakh]
5. Tusipova G.B. Agylshyntildi zhazushylar angimelerin qazaq tiline audaru tazhiribesi [Experience in translating stories of English-speaking writers into Kazakh]. – Pavlodar: Areal, 2012. – 145 b. [in Kazakh]
6. Aubakirova Q. XX gasyr basyndagy korkem audarma maseleleri [Problems of literary translation at the beginning of the XX century]. – Semei: Intellect, 2020. – 160 b. [in Kazakh]
7. Lefevere A. Translation, Rewriting, and the Manipulation of Literary Fame. – London, New York: «Routledge», 1992. – 270 p.
8. Lefevere A. Why Waste Our Time on Rewrites? The Trouble with Interpretation and the Role of Rewriting in an Alternative Paradigm // In: T. Hermans, ed., The Manipulation of Literature. – New York: St-Martin's Press. – P. 215–243.
9. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures. – Clevedon, Philadelphia: Multi Lingual Matters, 1998. – 220 p.
10. Gentzler E. Contemporary Translation Theories. – Clevedon: Multi Lingual Matters, 2001, – 285 p.
11. Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. – Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004. – 185 p.
12. Aimauytuly Zh. Dameli [Dameli] // Parasat. – 1990. – №3–8. – B. 4–16. [in Kazakh]
13. Chehov A. Bumazhnik // V kn.: A.P. Chehov. Polnoe sobranie sochineniy v 30 tomah. T. 3 [The Wallet // In: A.P. Chekhov. Complete works in 30 volumes. Vol. 3]. – M.: Nauka, 1983. – S. 83–87. [in Russian]
14. Aimauytuly Zh. Kumazhnek // Kit.: Zhusipbek Aimauytuly shygarmalarynyn alty tomdygy. T. 3 [The Wallet // In: Six volumes of the works of zhusupbek Aimauytovich. Vol.3]. – Almaty: El-shezhire, 2013. – B. 179–181. [in Kazakh]
15. Aimauytuly Zh. Beisharalar // Kit.: Alash kosemsozi: Abai zhurnaly. T.8 [Poor People // In: Alash leadersword: Journal of Abay. T. 8]. – Astana: Alash-Orda, 2011. – B. 223–227. [in Kazakh]
16. Aimauytuly Zh. Molda Iramidin kitap zhazuga qalai kiriskeni turaly [About how Mullah Irami started writing a book]. [Electronic resource]. URL: <https://adebiportal.kz/kz/news/view/11401> (date of access 20.10.2021) [in Kazakh]
17. Bokeihan A. Kun // Kit.: Alihan Bokeihan shygarmalary koptomdygy. T.12 [Sun // In: Multi-volume of works of Alikhan Bukeikhan. Vol. 12]. – Astana: Alashorda, 2018. – B. 276–277. [in Kazakh]
18. Bokeihan A. Lui Paster // Kit.: Alihan Bokeihan shygarmalary koptomdygy. T.11 [Louis Pasteur // In: Multi-volume of works by Alikhan Bukeikhan. T. 11]. – Astana: Alashorda, 2018. – B. 323–325. [in Kazakh]
19. Dudorov P. Skazki mully Irame [The Tales of Mullah Irame]. – M.: Novaia Moskva, 1923. – 120 s. [in Russian]
20. Zhurtbai T. Auezov zhane Alash ideiasy // Kit.: Alash zhane Auezov [Auezov and the idea of Alash // In: Alash and Auezov]. – Astana: Zhazushy, 2007. – B. 119–135. [in Kazakh]
21. Aimauytuly Zh. Tuqym [Seeds]. [Electronic resource]. URL: <https://abai.kz/post/41551> (date of access 20.10.2021) [in Kazakh]
22. Aimauytuly Zh. Tau elindegi oqiga [Mountain country incident]. – Tashkent: Qazaqstan memleket baspasynyn Kunshygys bolimi, 1925. – 140 b. [in Kazakh]

23. Aqqululy C.Zh. Qazaq zherinin zhoqshysy. T.2 [The Seeker of the Kazakh land. Vol. 2]. – Astana: Alashorda, 2017. – 475 b. [in Kazakh]
24. Aimauytuly Zh. Audarma turaly [About the translation] // Qazaq adabietini. – 1989. – №1 (6 qantar). – B. 4. [in Kazakh]
25. Aimauytuly Zh. Balzhan // Kit.: Zhusipbek Aimauytuly shygarmalarynyn alty tomdygy. T. 3 [Balzhan // In: Six volumes of the works of Zhusupbek Aimauytuly. T. 3]. –Almaty: El-shezhire, 2013. – B. 284–289. [in Kazakh]
26. Aimauytuly Zh. Murdanyn olimi // Kit.: Zhusipbek Aimauytuly shygarmalarynyn alty tomdygy. T. 3 [Death of Murda // In: Six volumes of the works of Zhusupbek Aimauytuly. T. 3]. – Almaty: El-shezhire, 2013. – B. 363–374. [in Kazakh]
27. Ohrimenko P. Gordiachka Iahde // V kn.: Cyganskie i tatarskie rasskazy [The Proud Yahde // In: Gypsy and Tatar Stories]. – M.: N.A. Stoliar, 1926. – C. 183–204. [in Russian]
28. Aimauytuly Zh. Orbike // Kit.: Zhusipbek Aimauytuly shygarmalarynyn alty tomdygy. T. 3 [Orbike // In: Six volumes of the works of Zhusupbek Aimauytuly. T. 3]. – Almaty: El-shezhire, 2013. – B. 271–284. [in Kazakh]
29. Ohrimenko P. Zakon ne znaiushih zakona // V kn.: Doch ukratitelia [The Law of those who do not know the Law // In: The Thief's Daughter]. – M.: N.A. Stoliar, 1926. – C. 109–134. [in Russian]
30. Aimauytuly Zh. Zañ bilmestin zary // Kit.: Zhusipbek Aimauytuly shygarmalarynyn alty tomdygy. T. 3 [The cry of ignorance of the law // In: Six volumes of the works of Zhusupbek Aimauytuly. T. 3]. – Almaty: El-shezhire, 2013. – B. 338–353. [in Kazakh]
31. Ohrimenko P. Semia // V kn.: Cyganskie i tatarskie rasskazy [Seeds // In: Gypsy and Tatar Stories]. – M.: N.A. Stoliar, 1926. – C. 31–54. [in Russian]
32. Turysbek R. Tarih, tanyim, tagylym [History, knowledge, teaching]. – Astana: Astana building, 2008. – 300 b. [in Kazakh]
33. Ismakova A. Kazahskaia hudozhestvennaia proza: Poetika, zhanr, stil (nachalo XX veka i sovremennost) [Kazakh fiction: Poetics, genre, style (early twentieth century and modernity)]. – Almaty: Gylym, 1998. – 392 c. [in Russian]
34. Nurgali R. Qazaq adabietinin altyn gasyry [Golden age of Kazakh literature]. – Astana: Kultegin, 2002. – 398 b. [in Kazakh]